

О.Н. ЯНИЦКИЙ

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ГИБРИДИЗАЦИЯ: К НОВОМУ СОЦИАЛЬНОМУ ПОРЯДКУ

ЯНИЦКИЙ Олег Николаевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (oleg.yanitsky@yandex.ru).

Аннотация. Современный мир находится в процессе перехода в глобальное и гибридное состояние, что является результатом Четвертой промышленной революции (далее НТР-4). В статье автор предлагает свою трактовку понятий процессов глобализации и гибридизации и их взаимодействий, в результате которых происходит формирование интегральных социобиотехнических систем (далее СБТ-систем) разной величины и взаимоотношений между ними. Возникновение СБТ-систем есть результат метаболических процессов различного характера, которые всегда были присущи природным и социальным экосистемам и организмам. Одновременно современный человек способен конструировать природно-подобные материалы и системы. Поэтому я трактую процесс гибридизации как основной путь и способ конструирования СБТ-систем, способных к саморазвитию. Однако оборотной стороной процессов глобализации и гибридизации является формирование «маргинального человека» нового типа – результат взаимодействия таких факторов, как необходимость перманентной мобильности, профессионального переобучения, соединенных с растущим давлением потребительской идеологии. Все это приводит к дальнейшей «индивидуализации» мышления и действия и потере связи со своей «малой Родиной». К тому же, мир «умных машин» понуждает индивида общаться с себе подобными только на «дигитальном» языке. В совокупности названные изменения делают мир жизни хаотичным, понуждая массу людей вместе с учеными, независимыми политиками и группами гражданского общества бороться совместными усилиями за установление более справедливого социального порядка.

Ключевые слова: время • гибридизация • глобализация • маргинальный человек • метаболические процессы • переходный период • СБТ-системы • НТР-4

DOI: 10.31857/S013216250006132-8

Введение, метод и источники. Россия и мир переходят в фазу Четвертой промышленной революции (или НТР-4; в иной терминологии – в фазу «дигитализации»). Этот переход осуществляется неравномерно, он обременен внутренними противоречиями и конфликтами, как внутри каждого социального сообщества, так и во взаимодействии с другими сообществами и альянсами и мировой социальной системой в целом. Прежде чем приступать к содержательному анализу этого перехода, необходимо определить, что означают эти два ключевых понятия с социологической точки зрения.

Глобализация, с социологической точки зрения, это – превращение мирового сообщества в единую информационно-коммуникационную систему. Именно в условиях глобализации информационно-коммуникационные сети и узлы становятся «каркасом» нового способа производства и социально-политического воспроизводства глобального социума. В течение нескольких веков этот процесс развивается неравномерно, но процесс охвата информационно-коммуникационными связями всех социальных сообществ земного шара начинается на рубеже XX–XXI вв. То есть, в первом приближении, это – количественный процесс, который, однако, может иметь также качественные последствия.

Гибридизация, с моей точки зрения, это – качественный поворот хода глобализации, и ее социальных и иных последствий. Подчеркну еще раз: гибридизация – это «сращивание» разнокачественных агентов, структур и процессов социального действия. В результате этого «сращивания» и получается некий «гибрид», которым может быть отдельный индивид,

материальное или виртуальное сообщество, форма социального действия, как, например, гибридная война или гибридный мир. В качестве обозначения феномена гибридизации я предложил называть их социобиотехническими системами (СБТ-системами, см.: [Yanitsky, 2016]).

Есть ли у этих двух всеобъемлющих функционально-структурных изменений глобального социума какие-то пределы, что некогда предполагали авторы многолетнего международного проекта «Пределы роста»? Как показали результаты 40 докладов Римскому Клубу, подготовленных по этому проекту в течение полувека, эти «пределы» все время куда-то отодвигались. Почему именно – это вопрос, требующий специального исследования. Сейчас могу лишь высказать мою гипотезу: чем быстрее продвигается *относительно мирный процесс глобализации–гибридизации–миниатюризации*, тем дальше (по стреле исторического времени) отодвигается предел.

Данное метатеоретическое исследование опирается на вторичный анализ социологической, системной и технической литературы, на опыт участия автора в международных проектах, на анализ долговременных глобальных исследовательских проектов, а также – на вторичный анализ «Экологического архива», который собирался автором более 50 лет.

Гибридизация: процесс и состояние. Гибридизация есть одновременно естественный исторически эволюционный и социально-сконструированный процесс. В его основе лежат, как минимум, три взаимосвязанных, но конкурирующих начала: борьба за самосохранение природных и человеческих сообществ в условиях изменяющейся среды обитания, борьба за доступ к дефицитным ресурсам и конкуренция за геополитическое доминирование в глобальном мире. Гибридизация как состояние социального агента – это борьба всеми доступными средствами за выживание и доминирование.

Сам факт гибридизации, в особенности если речь идет о «сращивании» природных, социальных и технологических процессов и структур, дает существенные преимущества такому «комплексному» социальному агенту в борьбе на обозначенных выше трех направлениях. Сегодня гибридные войны так быстро распространились именно потому, что их многовекторный и «комплексный» характер дает наибольший эффект в условиях глобально взаимосвязанного мира. Это не только означает, что человечество как глобально-локальная сеть вступает сегодня в «гибридное состояние», но и тот факт, что оно само имеет тенденцию стать гибридным феноменом. Косвенно эта гипотеза подтверждается работами М. Кастельса [Castells, 1996; 2004].

Это, в свою очередь, не только означает, что ключевым моментом гибридизации являются метаболические структуры и процессы. Этот тезис в полной мере относится и к среде, в которой эти трансформации происходят. Совокупным результатом процессов гибридизации является формирование социобиотехнических систем (СБТ-систем) различного масштаба и структурной организации. Вопрос о том, могут ли в этой гибридной среде возникать и существовать социальные и природные монокультуры, остается на сегодня открытым.

Отсюда три вывода. Первый – формирование СБТ и других гибридных систем требует для их изучения адекватного, то есть междисциплинарного инструментария. Второй – вероятно, процесс глобализации необходимо рассматривать не как 2D интерактивный процесс, а как 4D гибридный и динамический феномен. Третий – все названные выше интегративные процессы требуют от социологов междисциплинарного подхода.

Одним из уже очевидных результатов гибридизации является *растущая автономность «гибридного» индивида*, то есть снабженного искусственным интеллектом и глобальной связью. Принцип индивидуальной гибридизации все тот же: интеграция элементов, необходимых для выживания и максимально эффективного социального действия в условиях растущего дефицита времени на принятие решений и ограниченного доступа к ресурсам жизнеобеспечения. Мобильному и непрерывно меняющемуся миру должны соответствовать «действующие лица» с теми же качествами: быстрота реакции, непрерывная оценка обстановки и, в разумных пределах, автоматическое принятие решений с помощью искусственного интеллекта. Этот вывод подтверждают военные специалисты:

«позиционная война в современных условиях скорее исключение, а правилом являются скоротечные, маневренные, интенсивные боевые действия» [Буренок, 2019: 5].

Но у подобной «автономности» тоже есть разумный предел. Если индивид передоверяет искусственному интеллекту принятие всех решений, то он сам превращается в его пассивный придаток и, в конечном счете, перестает быть *homo sapiens*. Но пока я не вижу выхода из этой ситуации «расчеловечивания», так как глобальная информационно-коммуникационная сеть непрерывно обрушивает на голову индивида все большие объемы новой информации.

В перспективе есть такие варианты выхода из этого замкнутого круга. Первый – смена капиталистического способа производства, порождающего эту гонку, на более гуманный способ производства с замедленным темпом. Вспомните «Вести ниоткуда или эпоха спокойствия» У. Морриса. В той утопии люди жили более размеренно и получали от этого удовольствие. Несмотря на всю фантастичность такого мироустройства, я полагаю, что мир, пройдя через войны и лишения, придет именно к нему. Второй – это просто жить, как живется, не обращая внимания на возникающие риски и опасности. Третий, и при этом самый трудный, – начать строить этот разумный и спокойный мир.

О четвертом варианте надо сказать особо. В современном конфликтном и мало предсказуемом мире непрерывно растет число аварий и катастроф столь быстро, что американские социологи ввели понятие «нормального несчастного случая» (*normal accident*) [Perrow, 1984] или «пределов безопасности» (*limits of safety*) [Sagan, 1993], что по сути одно и то же. Причем они не предложили, как именно вычислить этот «предел безопасности», но в принципе были правы, что и подтвердила серия глобальных катастроф – Бхопал, Чернобыль, Фукусима-1. Но и в масштабе осажденного города уже можно увидеть характер гибридного воздействия на мирное население, причем в концентрированном виде [Yanitsky, 2014].

В конечном счете, утверждают военные и гражданские специалисты, чтобы иметь возможность управлять событиями, неважно военными или гражданскими, или оказывать на них влияние, их мониторинг должен происходить со скоростью, сравнимой со скоростью происходящих событий. Только на основе такого скоростного оборота и обработки информации возможно управление этими структурами и процессами. Гибридный меняющийся мир требует столь же сложного и скоростного управления. В условиях глобализации и «цифровизации» социум разделяется не только по принципу, включен в него или исключен, но критически важно, – с какой именно скоростью включен.

Очевидно, сегодня «следование» только за текущими и быстро меняющимися событиями не дает нужного результата, необходим прогноз. Но никак не экстраполяция, а прогноз, учитывающий возможные, причем даже неожиданные варианты развития ситуации. Поэтому нарастающая гибридизация событий самого разного масштаба требует не «матричного», а динамичного мышления, дающего возможные варианты развития событий. Это очень сложная задача, потому что, позаимствовав у западных коллег методы массовых опросов, созданные более 70–80 лет назад, социологи привыкли мыслить линейно, то есть в парадигме «больше—меньше» какого-то отдельного свойства или ответа на вопрос интервьюера. А сегодня нам остро необходимо «вариативное» мышление, которое я бы назвал «новым шахматным мышлением».

СБТ-система как результат гибридизации. Гибридизация – результат совместного действия процессов глобализации и информатизации, которые дают еще один качественно новый результат: перманентное «переходное» состояние всех систем, независимо от их качественной специфики и масштаба. Такие системы пока доступны для непосредственного изучения только в малом масштабе, как, например, отдельные сооружения, города или региональные системы. Для наблюдения за глобальной СБТ-системой, от космоса до земной коры и даже глубже, пока не создано адекватной системы наблюдения. Поэтому я могу дать лишь их общее теоретическое описание [Yanitsky, 2016].

Чтобы понять поведение СБТ-систем как результата процессов гибридизации, необходимо сначала кратко описать *ключевые гипотезы* относительно процессов их формирования, трансформации уже как комплексных систем, и их обратного воздействия на глобальную СБТ-систему.

Первое. Ее формирование может быть как постепенным, эволюционным, так и относительно быстрым в результате социально-конструктивной деятельности человека. Обратной стороной разрушительной деятельности человека (длительные войны, голод, разруха) может быть изменение социальной природы самого человека [Сорокин, 2003].

Второе. Эти трансформации могут происходить как в результате длительного воздействия на природные ландшафты социально-конструктивных процессов (например, качественное изменение социоприродного ландшафта пустыни Сахара или центрального района европейской части РФ), так и вследствие неожиданных и резких природных явлений (например, эффект Эль-Ниньо).

Третье. Сегодня, с моей точки зрения, глобальный биосферный круговорот уже не является чисто природным процессом, а представляет собой результат его «гибридизации» под воздействием космических природных процессов и социально-конструктивной деятельности человеческого сообщества.

Четвертое. Процессы гибридизации глобальной СБТ-системы могут иметь разный характер. Например, сначала незаметное изменение биосферного круговорота, изменение, которое существующее научное сообщество считает несущественными. Затем – изменения, которые приводят к трансформации одних частей этой системы и к разрушению других, потом – к такому ее развитию, которое грозит гибелью всего человечества и т.д.

Пятое. Во всех подобных трансформациях фактор времени играет ключевую роль. Как правило, разрушительные воздействия человека на конкретные природные экосистемы происходят гораздо быстрее, чем их последующее восстановление, если оно вообще возможно. Однако глобальные изменения биосферного круговорота могут накапливаться постепенно, и лишь в какой-то момент их совокупное воздействие вызовет быстро развивающийся глобальный эффект типа глобального потепления.

Шестое. Истории известны случаи глобальных катастроф, не только происходивших внезапно, но и порождавших «каскадный» (всеобщий и длительный) эффект, эффект домино. В данной статье такие случаи не рассматриваются, хотя модель «ядерной зимы» было создана советскими учеными уже давно. Собственно говоря, это была именно гибридная модель ядерной зимы, так как она объединила в себе модели атмосферной и океанической циркуляции с моделями биоты и энергетики биосферы [Моисеев, 1988], то есть была междисциплинарной.

Седьмое. Под «обратным воздействием» глобальной СБТ-системы понимается ее воздействие на подобные ей системы меньшего масштаба, а также на оставшиеся нетронутыми островки природных экосистем, что требует специального исследования. Одно можно утверждать с уверенностью: противостоять этому «обратному воздействию» будет нелегко, так как оно не только обладает огромной инерционностью, как всякая сложившаяся гибридная система, но имеет своих сторонников в разных социальных средах и сообществах.

Приведу пример из области глобальной урбанистики. Система власти-собственности не требует разрушения мегаполисов как центров современной жизни – она лишь трансформирует изнутри нужные ей их структурно-функциональные элементы. То есть территориальный облик мегаполисов меняется незначительно, а внутреннее содержание – весьма существенно [Sassen, 2000, 2017].

Маргинализация и автономность индивида. Попробую конкретизировать специфику этих трансформаций в переходный к НТР-4 период. Это вопрос актуален не только для России, но и для любых социальных общностей.

В конце 1920-х гг. американский социолог Р. Парк [Park, 1928] предложил концепцию «маргинального человека», то есть находящегося на рубеже разных социальных сред и культур. Такой человек, не желая порвать со своим прошлым и традициями своего народа и в то же время не принятый в новое общество, оказывается личностью на рубеже двух культур и двух обществ, которые ранее никогда не взаимопроникали и не смешивались. Парк подчеркивал, что моральная раздвоенность и конфликт характерны для

любого эмигранта, когда прежний уклад жизни дискредитирован, а новый только формируется. По Парку, возникает некий «космополит», концепция которого близка к зиммелевской концепции «чужого», «незнакомца» [Park, 1928: 893].

Однако необходимо помнить, что Парк создавал свою концепцию маргинального человека как человека на рубеже двух культур, сельской и городской, *но в рамках одной и той же – европейской – культуры*, что принципиально важно для последующего анализа. Теоретически Парк опирался на результаты фундаментального исследования польских иммигрантов из Европы в США [Thomas, Znaniecki, 1918–1920]. В более поздней работе У. Томас подчеркивал, что адаптация мигранта к новому обществу и его укладу жизни есть нелинейный, противоречивый процесс, как в плане его временной протяженности, так и в аспекте степени его ассимиляции в среде, сформированной новым укладом и образом жизни [Thomas, 1966].

Сегодня в условиях глобализации и сплошной информатизации мы имеем качественно иную ситуацию, когда мигранты иных конфессиональной принадлежности и культуры, прошедшие страх и ужас современной войны, попадают в совершенно новую среду обитания, новую как минимум по пяти важнейшим параметрам. Во-первых, это качественно иная социальная и конфессиональная культура и другой образ жизни. Во-вторых, в отличие от ситуации 1920-х гг. в США, ни они, ни Европейский союз не способны ассимилировать этот мощный и непрекращающийся приток беженцев. В-третьих, уже сам переход мира к НТР-4 создает ситуацию неуверенности и напряженности. В-четвертых, глобализация и дигитализация формируют качественно новый, «подвижный» уклад жизни, что никак не согласуется с ориентацией вынужденных мигрантов из Африки и Ближнего Востока на поиск надежного убежища, работы и стабильного образа жизни. В-пятых, этот приток беженцев и вынужденных переселенцев разнороден, в нем есть одни, которые ищут только убежища, другие – стабильной жизни, третьи – продолжения своего образования и карьеры (см. подр., [Яницкий, 2019]). Но неопределенность, создаваемая переходом к НТР-4, делает все эти стремления и ожидания зависимыми как от самого этого перехода, его скорости, способов осуществления и неизбежных социальных потерь, так и от самих беженцев, их желания и способности адаптироваться к быстро изменяющейся ситуации. Поэтому главный вывод: сколько новых ситуаций – столько будет и способов к ним адаптации, сопротивления им.

Позиции принимающей стороны тоже не однозначны. Материалы о трансконтинентальных миграциях, в частности, в США и ЕС из стран «третьего мира», показывают, что запрос на рабочую силу из них далеко не всегда соответствовал ожидаемому результату. Президент Д. Трамп, стремившийся если не ликвидировать, то минимизировать «ржавый пояс», образовавшийся в результате активности трансконтинентальных корпораций, сегодня строит мощную стену, отгораживающую США от мигрантов из Мексики. В ЕС политика толерантности привела не только к его миграционному, но и к политическому кризису. Не справившись с этим мощным притоком, Европа начала быстро политически праветь. Дополнительной сложностью стал кризис политической организации самого ЕС.

В РФ с ее растущей нехваткой рабочих рук массовый приток мигрантов из Средней Азии и Украины тоже дает не однозначные результаты. Главный вывод: миграция межстрановая и даже межконтинентальная неизбежна, и она будет только расти, но регулировать ее пока не умеют. Значит, проблема заключена, в частности, в отставании социальных институтов, регулирующих эти процессы. А также – в том, что такие идеологические доктрины, как, например, «толерантность», наши общественные науки пока эмпирически не изучали и теоретически не осмыслили.

Теперь о росте автономности активности индивида. Действительно, НТР-4 стимулировала резкий скачок мобильности всего и вся в глобальном мире, недавно настаивал английский социолог Дж. Урри [Urry, 2003; 2007]. Ранее З. Бауман представил образ современного человека как индивида в теннисных тапочках с мобильником в руке. И, действительно, подвижность запросов на отдельные специальности или компетенции вкупе с ростом информационной и транспортной доступности конкретного рабочего места или

жительства все время растут. Плюс общий рост хаотизации и гибридизации глобального мира и его конфликтности. Все эти перемены, вместе взятые, стимулируют мобильность конкретных индивидов (причем никто не гарантирует, что предлагаемые «здесь и сейчас» вакансии вечны, и что завтра экономическая конъюнктура не изменится). Если верить К. Швабу [2017], мир ожидает резкое сокращение рынка труда, который тоже может перемещаться, то действительно глобализация и дигитализация разрушают сложившиеся человеческие связи и сообщества, и им на смену идут виртуальные сообщества, дистанционные формы труда, отдыха, сервиса, медицинского и социального обслуживания и т.д.

В результате рынок труда не только сокращается, но и поляризуется и постоянно изменяется, что мы сегодня уже видим в ЕС и РФ, и никакие разовые бонусы или социальные гарантии, если это не «золотой парашют», здесь не могут компенсировать материальные и социальные потери.

Да, в высокомобильном обществе должны действовать мобильные индивиды. Но только ли они? И какова реакция на этот тренд? В действительности индивидуализация невозможна без «коллективизации» в форме мобильных междисциплинарных групп и коллективов, что детерминировано самим гибридным характером конструируемых и регулируемых человеком глобальных структур и процессов. Китайский трансконтинентальный (фактически глобальный) проект энергетических сетей есть лишь один из многих примеров необходимости не только коллективного, но и межгосударственного сотрудничества и трансконтинентального регулирования [Шкрадюк, Симонов, 2018]. А еще были и будут «Один пояс—Один путь», исследование системы глобальных рисков, проводимое Мировым экономическим форумом в течение последних 10 лет, и т.д.

Другая форма современной «коллективизации» – это массовая реакция недовольных современной социальной или политической ситуацией в форме массовых политических протестов, создания политических партий и объединений, разработка альтернативных идеологических концепций, которая может быть как позитивной, так и негативной. Третья – это создание виртуальных объединений с гуманитарными и политическими целями. Поэтому, так или иначе, мобильный индивид будет вовлечен в конкретные формы «коллективности». Четвертая – это создание частных вооруженных формирований, хакерских сетей и групп для подрывной политической деятельности.

Естественно, государственные структуры и большой бизнес стараются взять под контроль все виды гражданской коллективной деятельности, предложить индивидам альтернативные формы общественного участия, регулировать в своих интересах существующие их виды и формы и т.д. Параллельно государство развивает системы отслеживания передвижений и действий отдельных индивидов и групп. Так что системы, подобные GPS, отнюдь не утратили своего значения для определения их координат в конкретный момент времени, что естественно сокращает пространство свободы перемещений индивида и группы.

Наконец, рассматриваемая нами автономизация активности индивида часто принимает противоречивый, «раздвоенный» характер, когда умом он понимает необходимость вхождения в современные гибридные формы деятельности, но сердцем еще долго остается членом местного традиционного или иного локального сообщества. Такая «раздвоенная» гибридизация опасна как для общества, так и для самого автономного индивида, но она – неизбежный результат гибридизации современного общества и ускорения его динамики. Да, такова диалектика жизни современного автономного индивида, когда он вынужден как-то совмещать глобальное и гибридное мышление с локальным действием здесь и сейчас. Но и тут современные технологи, конструирующие гибридные действия, нашли выход: они все чаще заменяют человеческий опыт и знания «дигитальным знанием», когда нет необходимости думать в привычном для нас смысле слова, необходимо лишь действовать по заранее созданным алгоритмам. То есть в соответствии с ситуацией надо нажимать те или иные кнопки. Неужели в этом истинный смысл «дигитальной эпохи»? Вопрос риторический, но вполне уместный, так как он обозначает новую стадию и форму отчуждения индивида и группы от глобальной «машины», производящей нужные властям алгоритмы их поведения.

Гибридизация требует универсализации языка коммуникации. Человечество стоит перед нелегким выбором. Непрерывное ускорение процессов глобализации, дигитализации и гибридизации качественно разнородных процессов требует универсального языка общения, и это вполне логично. И самые разные профессиональные области уже имеют свои языки общения, однако общение между разными профессиональными сферами затруднено, как и конструирование гибридных СБТ-систем, которые, что показано выше, конструируются по принципу «командир–исполнитель» [Буренок, 2019], хотя постепенно спектр их команд и взаимодействий расширяется. И, прежде всего, это происходит в области конструирования природо-подобных, то есть гибридных систем.

Однако специалисты естественных наук и, прежде всего, биологи знают, что в природе и в самом человеке непрерывно идут *метаболические процессы*, то есть взаимодействие и взаимное изменение качественно различных, живых и сконструированных человеком систем. Не будет преувеличением сказать, что жизнь отдельного человека и человечества – непрерывная цепь метаболических процессов, даже после их смерти. В природных системах биологический круговорот «продуценты–консументы–редуценты» не прерывается ни на минуту, чего нельзя сказать о человечестве и созданных им СБТ-системах, последствия (отходы) деятельности которых далеко не всегда «редуцируются», а, напротив, накапливаясь, ведут к разрушению еще сохранившихся или уже существующих СБТ-систем.

Но как тогда быть с историческим и культурным наследием человечества и его отдельных сообществ? Значительная его часть уже оцифрована, но картинки и тексты, полученные в результате этой операции, не могут сравниться с непосредственным восприятием культурных артефактов человеком, не говоря уже о тех финансовых и материальных затратах, которые требуются на тотальную оцифровку.

Поэтому я думаю, что процесс перехода к НТР-4 и к тотальной оцифровке всего корпуса человеческого знания и тотальной алгоритмизации поведения людей не приведет к интеграции части естественных и точных, с одной стороны, и социальных и гуманитарных наук, с другой стороны. Пока человек не превратится в придаток цифровой «машины», он будет стремиться остаться *homo sapiens*, а не только исполнителем команд.

Сказанное не означает необходимости отказа от взаимопонимания представителей естественных, социальных и технических наук. Но и здесь возникают серьезные проблемы.

Комплексное мышление – гибридное конструирование – адаптация к изменениям. Бывший архитектор и планировщик городов, я многому научился в плане налаживания взаимопонимания и организации взаимодействия между учеными разных специальностей и практиками градостроительства. Но 1950–1970-е годы были временем НТР-3, когда весь процесс, начиная от разработки технического задания и до надзора за реализацией проекта, представлял собой, по сути, *взаимную эмпирическую подгонку требований разных наук* на всех стадиях его реализации в рамках существующих нормативных документов. Конечно, опыт подобных проектов облегчал и ускорял работу, но в процессе реализации проекта многое приходилось корректировать по ходу дела или уже на месте.

Индустриальное домостроение облегчало нам задачу, поскольку стандартные типоразмеры существовали на все случаи жизни. В результате архитекторы зачастую теряли связь с действительностью, поскольку привыкли «привязывать» свой проект не на конкретной местности, а на синьке, на плане будущего строительства, сделанном кем-то другим. Поэтому не раз случалось, что при «привязке» готового проекта к реальной местности первый этаж дома с одной стороны уходил на 1–2 метра в землю, а с противоположной – обнажался его подвал или цокольный этаж. Не попадем ли мы сегодня в подобную мышеловку, когда видим только картинку, но не имеем контакта с реальной быстро меняющейся ситуацией?

То есть, теоретически выстраивается триада: «комплексное мышление – гибридное конструирование – адаптация действия к изменяющейся ситуации». И, соответственно, переход от одномерного мышления к междисциплинарному. Это, в свою очередь,

означало, что среда, в которой будет действовать любой «конструкт», постоянно меняется, причем с возрастающей скоростью.

На первый взгляд кажется, что эта триада практически не реализуема. Однако многомерность и «вариативность» как раз и означают, что соответствующая компьютерная программа должна содержать множество вариантов решений этой и подобных ей задач в разных условиях пространства и времени. И этот императив в равной мере относится и к конструкторам, и к социологам.

Теперь об адаптации. Здесь проблема та же: социальный агент должен адаптировать принимаемые им решения и конкретные действия к многомерному и постоянно изменяющемуся миру, причем к миру «двойному», т.е. к тому, который он хочет покинуть, и к тому, в котором он надеется обосноваться. Таким образом, сам процесс адаптации должен носить динамический и вариативный характер. Именно об этом, только другими словами, писал английский социолог Д. Урри [Urry, 2003, 2008]. Сложность проблемы адаптации именно в ее многомерности. Следовательно, адаптация – не односторонний, как мы привыкли считать, а взаимный, многосторонний социально-технологический процесс, «работающий» в режиме постоянного изменения.

Другая, не менее важная сторона процесса адаптации – *позиция самого агента*, которая тоже может изменяться под влиянием его исходной установки (attitude) и под воздействием меняющейся обстановки. Приведу конкретный пример, касающийся миграционного потока из стран Африки и Ближнего Востока в Европу. В нем можно выделить следующие архетипы мигрантов: 1) беженцы, спасающиеся от войн, геноцида, голода и т.д.; 2) те же, но надеющиеся вернуться на родину; их обычно называют вынужденными переселенцами (involuntary migrants); 3) люди, в основном молодые, которые уже знают, что такое Европа. Это, прежде всего те, кто там учились и хотят продолжить учебу или карьеру; 4) лица склонные к криминальному поведению, или специально засылаемые в ЕС агенты террористических организаций; и 5) тип личности, который ориентирован на политическую карьеру. И таких мигрантов, как показала практика последних лет, в ЕС немало. К сожалению, ни один из названных архетипов мигранта не учитывал того обстоятельства, что в ходе переходного периода к НТР-4, т.е. к информационной революции, вся институциональная структура ЕС быстро и качественно изменилась (см. об этом подробнее: [Bauman, 2017]).

Броуновское движение глобального сообщества как «принуждение» к коллективному действию. Да, это – парадокс нашего времени. Чем больше мир, в котором мы живем, становится хаотичным и непредсказуемым, тем более интенсивны попытки людей организовать, чтобы противостоять этому Броуновскому движению. Однако когда весь глобальный мир становится таковым, попытки отдельных индивидов и их групп не могут противостоять этому «вселенскому» хаосу. И «порядок из хаоса», согласно И. Пригожину и И. Стенгерсу [Пригожин, Стенгерс, 1984], может возникнуть только благодаря объединенным усилиям больших групп людей, то есть в форме глобального движения за мир и безопасность во всем мире. Как показали события последних 70 лет, такое движение только «обеспокоенных ученых» необходимо и важно как его катализатор и частично организатор. Однако в подобном движении, затрагивающем интересы сильных мира сего, нужна критическая масса обеспокоенных рядовых граждан.

К сожалению, современным медиа удалось приучить эти массы к «диванным войнам», к мысли о том, что войны случаются где-то там, далеко и что главное – наращивать потребление, от которого непосредственно зависит благополучие этих масс. Пока с помощью ученых, гражданских активистов и обеспокоенных политиков эти массы не научатся критически мыслить и будут отдавать свою и своих детей судьбу в руки политиков, необходимого снижения уровня международной напряженности достичь не удастся. Массе рядовых граждан нужны не войны, а мирная жизнь. Да, это – мобилизация, но мобилизация позитивная, необходимая для их же собственного блага.

Выводы. Сегодня глобализация, с социологической точки зрения, это превращение мирового сообщества в единую информационно-коммуникационную социальную систему, мобильную, вариативную, с трудно предсказуемой динамикой.

Гибридизация – это «сращивание» разнокачественных агентов, структур и процессов социального действия. Основой «сращивания» являются метаболические процессы, в результате которых получается некий «гибрид», которые я назвал социобиотехническими системами (СБТ-системами) разного масштаба, начиная от космических и глобальных до микроскопических образований. Сегодня гибридизация есть магистральное направление социальной динамики и ее научно-технического инструментария.

Созданная после Второй мировой войны система международных социальных, экономических и иных институций уже не соответствует структурной организации и формам деятельности этих мобильных, вариативных гибридных систем. Мировое сообщество сегодня находится в процессе конструирования новой глобальной институциональной системы, однако пока действует старыми средствами и инструментами: угрозами, геополитическим и экономическим давлением, санкциями, нацеленными на сохранение существующего несправедливого и неравновесного мироустройства.

Глобальный, гибридный и быстро меняющийся мир изменяет личность, превращая ее из агента социальных трансформаций в «оператора» (кнопочного человека), действующего по алгоритмам, сконструированным создателями этого мира. Однако это – алгоритмы, построенные на основе борьбы за существование с целью выживания. Сегодня только в конкурентных сообществах человек может проявить себя как творческая личность. Однако, передавая все большую часть экономических и социальных функций «умным машинам», человек тем самым подчиняется им.

Поэтому пока с помощью обеспокоенных ученых, гражданских активистов, независимых политиков и экспертов масса населения не научится критически мыслить и адекватно оценивать сложившуюся ситуацию, мир будет балансировать на грани глобальной катастрофы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Буренок В. «Ратник» с искусственным интеллектом // Военно-промышленный курьер. 2019. № 15(778). С. 4–5.
- Моисеев Н.Н. Экология человека глазами математика. М.: Наука, 1988.
- Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Мысль, 1984.
- Сорокин П. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. М.: Academia & LVS, 2003.
- Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: «Э», 2017.
- Шкрадюк И.Э., Симонов Е.А. Записки о глобальном энергетическом соединении: развилки мировой энергетики и китайская сетевая инициатива GEI. 2018. Январь. URL: <https://www.researchgate.net/publication/322517831> (дата обращения: 27.05.2019).
- Яницкий О. Миграционный кризис или кризис Евросоюза? // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Т. 7. № 1(25) С. 21–36.
- Яницкий О.Н. Социобиотехнические системы: новый взгляд на взаимодействие человека и природы // Социологическая наука и социальная практика. Т. 4. 2016. № 3. С. 5–22.
- Bauman Z. A Chronicle of Crisis: 2011–2016. London: Social Europe Edition, 2017.
- Castells M. The Information Age. Economy, Society and Culture. Oxford: Blackwell, 1996.
- Castells M. The Internet Galaxy. Reflections on the Internet, Business, and Society. Oxford: Oxford University Press, 2004.
- Park R. Human Migration and the Marginal Man // American Journal of Sociology. 1928. Vol. 33. No. 6. P. 882–893.
- Perrow Ch. The Normal Accidents. Living with High-Risk Technologies. New York: Basic Books, 1984.
- Sagan S. The Limits of Safety. Organizations, Accidents, and Nuclear Weapons. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1993.
- Sassen S. Territory and Territoriality in the Global Economy // International Sociology. 2000. Vol. 15. No. 2. P. 372–393.
- Sassen S. The Global City: Enabling Economic Intermediation and Bearing Its Costs // City and Community. 2016. June. P. 97–108. DOI: 10.1111/cico.12175.

- Thomas W. On Social Organization and Personality. Chicago; London: Chicago University Press, 1966.
- Thomas W., Znaniecki F. The Polish Peasant in Europe and America. Vol. 1–5. Chicago; London: Chicago University Press, 1918–1920.
- Urry J. Global Complexity. Cambridge: Polity Press, 2003.
- Urry J. Mobilities. Cambridge: Polity Press, 2008.
- Yanitsky O.N. Sociology of Critical Areas // Open Journal of Social Science Research. 2014. Vol. 2(3). P. 112–118. URL: http://manuscript.sciknow.org/uploads/ojsr/pub/ojsr_140963345.pdf (дата обращения: 27.05.2019).

Статья поступила: 30.05.19. Принята к публикации: 01.07.19.

GLOBALIZATION AND HYBRIDIZATION: TOWARDS A NEW SOCIAL ORDER

YANITSKY O.N.

Institute of Sociology of FCTAS RAS

Oleg N. YANITSKY, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Chief Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (oleg.yanitsky@yandex.ru).

Abstract. The world is in a transition toward the global and hybrid condition. In this article the author examines the very notions of globalization and hybridization processes, the relationships between these two peculiarities of the modern world resulting, in particular, in the shaping of sociobiotechnical systems (hereafter the SBT-systems) of varying scale, and the relationships between them. I consider the very fact of an emergence and shaping of the SBT-systems as a result of numerous metabolic processes that are now peculiar both to natural and social worlds. On the other hand, a man since recently is capable to construct nature-like materials and living entities. Therefore, I consider the hybridization processes as the main way of the SBT-system construction and development. But the reverse side of the same coin is a new form of producing marginal man as a cumulative effect of a set of factors like a necessity to be permanently mobile and professionally upgrading coupled with the growing pressure of the consumerist ideology which generates individualization of a person's behavior and loss of his/her Motherland. Besides, the world of smart machines forces a man to communicate with the others in a digital language only. In sum, the above changes provoke chaotic state of living world and compel ordinary people together with the scientists, independent politicians and the grassroots to struggle collectively for a more just social order.

Keywords: globalization, hybridization, marginal man, metabolic processes, the SBT-systems, time, transition period.

REFERENCES

- Bauman Z. (2017) *A Chronicle of Crisis: 2011–2016*. London: Social Europe Edition.
- Burenok V. 2019. «Ratnik» with Artificial Intellect. *Voenno-promyshlennyj kur'er* [Military-industrial Courier]. No. 15(778): 4–5. (In Russ.)
- Castells M. (1996) *The Information Age. Economy, Society and Culture*. Oxford: Blackwell.
- Castells M. (2004) *The Internet Galaxy. Reflections on the Internet, Business, and Society*. Oxford: Oxford University Press.
- Moiseev N.N. (1988) *Human Ecology with a Mathematician's Eyes*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Park R. (1928) Human Migration and the Marginal Man. *American Journal of Sociology*. Vol. 33. No. 6: 882–893.
- Perrow Ch. (1984) *The Normal Accidents. Living with High-Risk Technologies*. New York: Basic Books.
- Prigozhin I., Stengers I. (1984) *Order from Chaos. New Dialogue of Man with the Nature*. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
- Sagan S. (1993) *The Limits of Safety. Organizations, Accidents, and Nuclear Weapons*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Sassen S. (2000) Territory and Territoriality in the Global Economy. *International Sociology*. Vol. 15. No. 2: 372–393.
- Sassen S. (2016) The Global City: Enabling Economic Intermediation and Bearing Its Costs. *City and Community*. June: 97–108. DOI: 10.1111/cico.12175.
- Shkraduk I., Simonov E. (2018) *Crossroads of the World Energy and China's Global Energy Interconnections. Technical Report (GEI)*. January. URL: <https://www.researchgate.net/publication/322517831> (accessed 27.05.2019). (In Russ.)

- Shvab K. (2017) *The Fourth Industrial Revolution*. Moscow: «Е». (In Russ.)
- Sorokin P.A. (2003) *Hunger as Factor. Impact of Hunger on Peoples' Behavior, Social Organization and Public Life*. Moscow: Academia & LVS. (In Russ.)
- Thomas W., Znaniecki F. (1918–1920) *The Polish Peasant in Europe and America*. Vol. 1–5. Chicago; London: Chicago University Press.
- Thomas W. (1966) *On Social Organization and Personality*. Chicago; London: Chicago University Press.
- Urry J. (2003) *Global Complexity*. Cambridge: Polity Press.
- Urry J. (2008) *Mobilities*. Cambridge: Polity Press.
- Yanitsky O.N. (2019) Migration Crisis or Crisis of EU? *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika* [Sociological Science and Social Practice]. Vol. 7. No. 1(25): 21–36. (In Russ.)
- Yanitsky O.N. (2016) Sociobiotechnical Systems: A New View on Man-nature Relations. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika* [Sociological Science and Social Practice]. Vol. 4. No. 3: 5–22. (In Russ.)
- Yanitsky O.N. (2014) Sociology of Critical Areas. *Open Journal of Social Science Research*. Vol. 2(3): 112–118. URL: http://manuscript.sciknow.org/uploads/ojsr/pub/ojsr_140963345.pdf (accessed 27.05.2019).

Received: 30.05.19. Accepted: 01.07.19.